
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 101.8

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.015

Философствование как свободное творчество

Л. Т. Ретюнских

доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
Россия, г. Москва. E-mail: retunlar@gmail.com

Аннотация. Статья призывает задуматься над идеей творческой функции философствования как способа созидания собственного мира. Автор разграничивает понятия «философия» и «философствование», выводя их за границы гносеологии в сферу онтологии. Философствование понимается как процесс создания концептов, который представляет собой творческий акт, осуществляемый свободным действием гносеологических субъектов. Свобода трактуется как выбор, следовательно, философствование есть рациональный и эмоциональный выбор и формирование своей картины мира, ориентированной на существующие ценности и установки, но принимаемые субъективно, индивидуально, свободно, или создание новых. Философствующим субъектом может быть признанный философ, писатель, художник и т. п. Автор анализирует взгляды на творчество и свободу таких авторов, как Н. Бердяев, А. Камю, Ф. Достоевский, иллюстрируя на их примере творческий характер философствования. Вместе с тем субъектом философского творчества может стать любой человек, обладающий способностью мыслить и выбирать, даже ребенок.

Ключевые слова: творчество, творческое мышление, творческое действие, философия, философствование, свобода, необходимость, абсурд, картина мира.

Термины «философия» и «философствование» часто используются в синонимичном значении. Что означает выражение «заниматься философией»? Либо изучать концептуальные схемы различных авторов, либо размышлять, рассуждая о философских вопросах. Чему следует учить в университетах, школах и т. д.: философии или философствованию? И. Кант утверждает, что «нельзя обучать философии; в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее узнать? *Можно обучать только философствованию, т. е. упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые источники этих принципов и подтвердить эти принципы или опровергнуть их*» (выделено нами. – Л. Р.) [1, с. 683–684].

И. Кант пишет о том, что пока нет единой всеобщей философии как системы взглядов, обладающих уверенной доказательностью и всеобщей истинностью, мы не имеем права навязывать учащимся никакой философии. Очевидно, что для него философия – это определенная картина мира, устойчивая система взглядов, выстроенная логика. Однако существующие философские системы очень разноречивы, а у познания нет механизма, позволяющего однозначно разделить их на истинные и ложные. Вероятно, это случится позже. Кант не ставит под сомнение возможность такой философии, но констатирует ее отсутствие в настоящий момент. Однако это не уничтожает философию как способ мышления, как искусство и смелость «пользоваться собственным умом». Можно предположить, что отсутствие объективно правильных ответов на важнейшие философские вопросы не лишает философию гносеологической ценности.

Почему нельзя обучать философии? Потому, что она всегда есть мнение, т. е. продукт субъективного видения, не дающий возможность получить объективный и достоверный ответ на вопрос, что, однако, не означает отказ от попыток его найти. Обучать философии означает навязывать свое мнение.

Здесь трудно не согласиться с классиком, как это делает и М. Вебер в своем докладе «Наука как призвание и профессия», призывающий профессоров не излагать в аудитории

своих политических и религиозных взглядов, дабы не принуждать студентов выбирать их. Любое мнение должно быть собственным, формируемым под влиянием традиций культуры, личного опыта и рационального рассуждения. Последнее и есть тот навык, или, как сейчас принято говорить, компетенция, которому можно научить.

Можно обучать философствованию. Что это значит? Это значит, что мы все-таки пытаемся найти ответы на вечные вопросы, приблизив их содержание к объективному знанию за счет использования рациональной аргументации, апелляции к примерам и опыту. Мы отстаиваем свою способность мыслить абстрактно и видеть мировое многообразие, подвергать сомнению все, что сказано ранее, а для этого вновь находить логические аргументы.

Философские вопросы – это всегда открытые вопросы. Они предполагают различные варианты возможных ответов. Никакая позиция не может быть представлена единственно верной, поэтому обучение философии как набору тезисов трансформирует саму дисциплину, превращая ее из рефлексивной в догматическую. Такой подход возвращает в класс удобный критерий правильности, неприменимый, на наш взгляд, для оценки успешности ученика. Попробуем поговорить о природе философской «правильности».

Философская рефлексия на занятиях часто строится по принципу согласен/не согласен; если человек согласен, то это уже его собственная позиция, т. е. субъективное мнение. Может он изменить мнение? Да, конечно. Но это новое убеждение не перестанет быть мнением, а не истинной. А мнение нельзя оценивать по критерию правильности. «Правильность», таким образом, здесь тоже субъективная, и она определяется предпочтением, а не объективной верификацией.

Чему же можно научить на занятиях философии? Мышлению. Философствование соединяет в себе черты критического и творческого мышления. Критическое мышление позволяет анализировать, классифицировать, сравнивать, а творческое – интерпретировать, концептуализировать, визуализировать рациональные понятия, конструировать новую картину миру. Анализируя мир, мы его создаем, мы совершаем интеллектуальное усилие, вознаграждаемое открытием, чаще тоже субъективным. Мы узнаем, что кто-то считал мир абсурдным, кто-то полагал его гармоничным и наполненным логосом, кто-то наслаждался идеей его двойственности. Каков «мой мир»? Тот самый, «правильный», мир, творимый философствованием? Он будет таким, каким мы его сделаем, примем, найдем. Философствование как процесс мышления, нацеленный на создание картины мира, непременно будет свободным творчеством, ибо свобода заложена в его субъективности. Каждый создаст свой мир. Попробуем в этом аспекте посмотреть на процесс философствования, в результате которого появляется философия, или некая система взглядов, определяющая границы и очертания «моего» мира.

Определим творчество как *создание нового, ранее не бывшего*. За этим последуют вопросы о природе творчества: что это – эволюционирование человека или дар свыше? О субъекте творчества – это трансцендентный разум или человек? Однако вне зависимости от того, как каждый из нас ответит на эти вопросы, мы констатировали, что человек обладает способностью творить, поэтому и дальше речь пойдет прежде всего о творчестве человека, о его границах и формах. Человек философствующий творит разумом, способным видеть невидимое, т. е. рисовать умозрительные схемы совершенно свободно, выходя даже за границы обыденного опыта и здравого смысла.

Что значит быть свободным? Проблема свободы в философии всегда была одной из основных, однако личностный подход к ней сформировался только в XIX–XX вв., когда философы стали рассматривать человека не просто как часть Вселенной, Макрокосма, Природы, Божественного мира и т. д., а как самостоятельную единицу бытия, с неизбежно многоликими проявлениями. Одним словом, человек творящий стал непосредственным проявлением человека свободного. Можно ли творить, не будучи свободным? И что значит – быть свободным?

Может ли концепция детерминизма сочетаться с представлением о творчестве как неизбежной данности бытия? Например, стоики (Сенека, Аврелий Августин и др.) утверждали, что человек подвержен фатальной необходимости и сам ничего изменить не может в своей жизни; в полном господстве необходимости был уверен и Демокрит, т. е. свобода существовала внутри фатальности. Совместим ли фатализм с верой в творческие способности человека? И да, и нет. Да, потому что судьбой может быть «предначертано» кому-то создать научную школу, написать симфонию (недаром же многие композиторы были уверены, что им позволено слышать музыку, а не сочинять ее) и т. д. Нет, потому что в таком случае созданное произведение не будет результатом творческого акта по содержанию и по смыслу. Это действие не будет творческим от начала и до конца: от появления замысла, выбора средств его

осуществления и собственно его осуществления. Эта линия «несвободы» влечет за собой объяснение творчества через заданность, через необходимость и не позволяет трактовать его как победу над необходимостью, человек выступает не самостоятельным субъектом творчества, а носителем высших идей и смыслов. Любой детерминизм имеет своей целью найти «правильные» ответы на философские вопросы. Следовательно, рассуждения должны привести философствующего субъекта к открытию закона, будь то закон, данный миру Богом или Природой. Чтобы не измельчить саму проблему и детерминистический подход, который отличает все космогонические трактовки природы и сущности человека и т. п., скажем, что в таком контексте речь может идти о низшей (природной) и высшей (божественной) необходимости. При этом вторая будет пониматься не как необходимость, а как свобода. Как, собственно, это и происходит у Николая Бердяева: «Человек осознает свое величие и мощь и свое ничтожество, и слабость, свою царственную свободу и свою рабскую зависимость, сознает себя образом и подобием Божиим и каплей в море необходимости» [2, с. 296]. Одним словом, свобода может пониматься как свобода духа и необходимое условие творчества, а творчество трактоваться не как «Божие предначертание» (типа библейского «рожать будешь в муках»), но как «Божий дар», а именно дар свободы. Какой свободой наделено философствование? Оно является прежде всего свободой мысли. Вместе с тем мысль здесь ни в коей мере не является «бредом». Философствование помогает нам примириться с внешней необходимостью, создавая внутреннюю необходимость за счет структурированности и упорядоченности мысли. Каким будет этот порядок, определяет философствующий субъект; более того, он в состоянии даже создать некий новый порядок за счет своей воли.

Христианская философская традиция фактически до конца XIX столетия свободу трактовала в контексте проблемы свободы воли. Б. Спиноза в XVII в. сделал важнейший вывод для последующего развития диалектического взгляда на этот вопрос, сказав, что свобода есть познанная необходимость. В этой трактовке проблема свободы вошла в философию Г. Гегеля и позднее К. Маркса. Все вышеприведенные позиции тоже отражают традицию детерминизма (всеобщей причинности и обусловленности) в философии, однако в их контексте творчество может быть интерпретировано не как преодоление необходимости и обретение свободы, а как результат «лабиринта» человека между различными путями необходимости, как свобода действия (в строго определенных рамках), А НЕ КАК СВОБОДА ДУХА. Философствование есть и свобода действия, и свобода духа. Философ действует как интеллектуальный центр новой реальности, с каждым тезисом, вопросом, аргументом она выстраивается в более или менее оригинальное, функциональное, украшенное причудливым декором или, наоборот, минималистски простое образование. В нем угадываются черты многих других подобных образований, но всегда оно будет собственным бытием.

Таким образом, творчество так или иначе обусловлено свободой, будь то свобода духа или свобода действия, а философское творчество несет в себе черты общего и особенного. Философствование как свобода и творчество есть созидание мира. Важным условием человеческого творчества можно считать субъективное ощущение, переживание, осознание себя свободным.

В экзистенциализме, например, свобода сопрягается уже не с необходимостью, а с *ответственностью*, и то и другое рассматривается как личностные, субъективные, но всеобщие, характеристики бытия, а следовательно, сама проблема творчества, непосредственно следующего за свободой, переходит в сферу личностного действия и смысложизненного поиска. Именно в рамках экзистенциализма возникает главный вопрос философии (А. Камю) как вопрос о смысле жизни. Стало быть, целью философствования становится поиск и определение смысла жизни; так, философствующий субъект оказывается непосредственным создателем смысла, соответственно, и жизни во всей ее полноте как пересечения биологических, социальных, духовных явлений.

Сократ был первым, кто поставил перед философией задачу постичь бытие человека. Причем искал он не абстрактного человека, не идею как таковую, что сделал уже позже Платон, а искал он конкретное бытие, пытался понять его с определенностью всеобщего. Все изыскания Сократа приводили его к мысли, что унифицировать смысл человеческого бытия если не невозможно, то чрезвычайно трудно.

Основу понимания человеческого бытия как *экзистенции*, или, иными словами, *переживаемой реальности*, заложили идеи С. Кьеркегора. Смысложизненные проблемы становятся центром философской рефлексии: свобода и ответственность, бунт и смирение, счастье и покой и др.

Объект исследования – человек, который берется не в схематическом, формальном изображении, а в полноте своего эмоционального бытия. Само бытие – это прежде всего бытие человеческой души, онтология чувства, что отличает экзистенциализм от всех других типов философии. Подлинная реальность «Я», человеческой личности проявляется и познается в его бытии в мире, где человек свободен и одинок. Как выйти из этого одиночества? Свобода – дар или наказание?

Мир не столько познаваемый, сколько переживаемый, становится для экзистенциалистов предметом осмысления. Что есть человек без своих чувств и эмоций? Ничто. Что заставляет человека чувствовать, искать, страдать, любить и ненавидеть? Именно эти вопросы ставят в своих произведениях Камю, Сартр, Бердяев и другие. Для Сократа познать означало дать определение, а дать определение – значит подвести понятие под более общее. Могут ли существовать понятия более общие, чем «свобода» и «творчество»? А это уже зависит от исходных посылок философствующего субъекта. Если за исходное принимается индивидуальное, субъективное, ощущающее себя бытие, что характеризует традицию сенсуализма (Беркли, Локк, Юм и др.), то и свободу необходимо искать в самом этом бытии, например, можно сказать, что человек свободен тогда, когда *чувствует себя свободным*. Но когда же он творит? Когда, осознав себя свободным, создает нечто новое, ранее не бывшее? Человек, не постигший свою власть над вещами, будь то звуки для музыканта или числа для математика, человек, не поверивший в свою способность преодолеть некие детерминанты бытия, т. е. не осознающий принадлежащую ему меру свободы, не может создать нечто новое. Не случайно «оголтелые» сорванцы часто вырастают в великих художников, ученых, писателей, а послушные «пай-мальчики» – в заурядных клерков. На личностном уровне ощущение свободы является непременным условием творчества, даже если это свобода изъясняться «эзоповым языком», свобода с «фигой в кармане» и т. д.

Однако поиск свободы только внутри самого человека легко приводит к выводу о его полной бессмысленности. Такой вывод сделал Альбер Камю. Он создает своего «бунтующего человека», который в борьбе за свободу пытается вырваться из заданной необходимости своей жизни и натывается на стены абсурда, которыми является весь мир, лишенный смысла и значения. Когда человек свободен, мир для него абсурден, ибо ничто не имеет смысла, ничто не держит, ничто не обязывает, это свобода одиночества.

Темы одиночества и свободы тесно переплетаются в экзистенциалистской традиции, их главным посылом в отношении человека является утверждение его заброшенности в мир, где он всегда одинок, ибо только он несет ответственность за всю свою жизнь. К этому выводу приходит Ж.-П. Сартр. Он определил экзистенциализм как философию существования, выдвинув тезис, что существование предшествует сущности. Человек сначала существует, а потом обретает свою сущность, но делает это сам, значит, он свободен. «Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него ответственность за существование» [5, с. 325]. Свобода человека как личности, по Сартру, это свобода выбора, человек сам себя выбирает, и вместе с этим он выбирает все человечество. Например, если человек выбирает брак или безбрачие, вступление в партию и т. д., он тем самым провозглашает свой выбор ценностью, которую он готов распространить на всех. Свобода есть всегда, даже когда человека ведут на эшафот, он может выбрать: идти самому или позволить, чтобы его тащили.

Какое отношение ко всему этому, скажете вы, имеет творчество и философствование? Самое непосредственное. Попробуем задуматься, может ли творчество быть абсурдным, если, как мы уже отмечали, оно обязательно предполагает наличие определенной цели, а если есть цель, то должен быть и смысл. Если есть смысл, то уже нет абсурда. Смыслосозидающее философствование и есть творчество концептов, как о том скажет Ж. Делёз. Философствующий субъект творит, работая инструментами мышления и эмоций, он продуцирует особый тип эмоционального мышления (Аарон Бек), а результатом его творчества становится картина мира или сама жизнь.

Было бы ошибкой думать, что экзистенциализм провозглашает свободу как разнузданный произвол, как полное отрицание всего и вся, он отнюдь не отрицает существование природных и социальных детерминант нашей жизни, но даже в рамках этих детерминант он находит место человеческой *свободе выбора*, а ответственность не дает ей превратиться в *свободу вседозволенности*. Это блестяще описал Ф. М. Достоевский в «Преступлении и наказании». Знаменитое его высказывание «Если Бога нет, то все дозволено» приводит нас к мысли

о значимости, важности не бесцельности нашего существования только в Боге, во имя Бога, во исполнение божественного предначертания, божественного предназначения.

Идя на преступление, главный герой вышеназванного романа Родион Раскольников стремится освободить других и освободиться сам. Однако кроме этого он пытается определить самого себя и свое место в мире. «Тварь ли дрожащая или право имею?» – вопрошает он. Он проверяет себя. Он бунтует против несправедливости и собственной малости. При всей кажущейся эпатажности образа и поступка Раскольникова он не выдуман, он «открыт», как в музее для осмотра. Только музейные экспонаты никому не могут причинить вреда, в отличие от проповедников «вседозволенности». Поделив людей на низших и высших, он ищет себя среди высших. Однако основанием для этого деления у него стала не принадлежность его к созидателям мира, но к разрушителям. Может быть, поиск себя среди созидателей, творцов подвигнул бы Раскольникова на другой путь. Здесь очень четко прослеживается знаменитое пушкинское «Гений и злодейство...». Возможно, человек-творец самоудовлетворен своим творчеством.

Однако после совершения преступления Раскольников не перестает мучиться, не перестает искать и отчаянно понимает, что он не относится к тем, которым все нипочем, которым «все дозволено», да и существуют ли такие люди? «...Я переступить поскорее хотел, – говорит Раскольников, – ...я не человека убил, я принцип убил! Принцип-то я убил, а переступить не переступил, на этой стороне остался». Какой принцип? Именно принцип разрушения без созидания.

Сонечка Мармеладова своей верой, своей любовью, осмысленностью своей жизни предлагает Раскольникову иной выбор, иного себя. Себя в рамках традиционных смыслов христианского вероучения, утверждающего необходимость смирения, ценность любой жизни и невозможность творить добро при помощи зла. Осознав и приняв это для себя, Родион Раскольников принимает каторгу как благо для себя, причем так же свободно и добровольно, как он пошел на преступление. Он изменился, и изменился мир, создаваемый философствующим субъектом – Родионом Раскольниковым. Любовь созидает, творит; ненависть, злоба, отчаяние разрушают. Эта мысль была в свое время у Платона, она пронизывает всю философию Соловьева, она приводится и Бердяевым.

Проследив историю душевных мук Раскольникова, Ф. М. Достоевский приводит своего героя к тем же убеждениям, к которым пришел и сам: от бунтарства к смирению, от горделивого возвышения человека к почитанию Бога и истин христианского вероучения. Раскольников только в вере обретает свободу, которую он искал в преступлении. С принятием веры он перестает метаться, обретает желанный покой и уверенность в себе, в правильности своего пути, хотя это путь страданий и тягот. Раскольников – ярчайший пример творца, созидателя личных смыслов, ориентиров, ценностей, т. е. собственного мира. Его инструментом становится философствование, подбор аргументов, оснований и превращение идеи в практику. Раскольников так же, как и Сократ, не просто рассуждает о том, что правильно и хорошо, но живет, действует в соответствии с принятой философией. Человек, который видит новые горизонты, умеет созидать, творить, более свободен, так как он расширяет свой мир. Таким образом, творчество – это постоянное расширение своего ареала жизни, это увеличение степени свободы, а следовательно, и ответственности, где философствование становится инструментом.

Н. Бердяев пишет: «Творчество не есть только борьба со злом и грехом – оно создает иной мир, продолжает дело творения. Закон начинает борьбу со злом и грехом, искупление завершает эту борьбу, в творчестве же свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творение Божье» [2, с. 331]. Человек как субъект истории становится песчинкой, или, как говорил Паскаль, «мыслящим тростником», но если он свободен, по замыслу Божьему, то ответственен перед собой и перед Богом за все содеянное и за тот мир, который он сам создает. Человек творит мир в том числе и средствами философии, сам выбирает свою судьбу. По мнению Бердяева, культ святости в христианстве должен быть дополнен культом гениальности, ибо именно гений – это тот, кто отмечен Богом, наделен высшей способностью к творчеству, это тот, кто создает культуру. Не исключение и гении-философы, предлагающие новые миры и определяющие стратегии миротворчества многих людей.

Таким образом, философствование несет в себе не только и не столько рефлексивность по отношению к миру существующему, но и потенциал творения новых миров, ибо мышление свободно созидает смыслы и ориентиры нашей жизни.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл Творчества. М., 1989.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 1989.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 707–735.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1973.
5. Кант И. Критика Чистого Разума. Соч. Т. 3. М. : Мысль, 1964.
6. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.

Philosophizing as free creativity

L. T. Retyunskikh

Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov.
Russia, Moscow. E-mail: retunlar@gmail.com

Abstract. The article calls for thinking about the idea of the creative function of philosophizing as a way of creating your own world. The author distinguishes the concepts of "philosophy" and "philosophizing", taking them beyond the boundaries of epistemology into the sphere of ontology. Philosophizing is understood as the process of creating concepts, which is a creative act carried out by the free action of epistemological subjects. Freedom is interpreted as a choice, therefore, philosophizing is a rational and emotional choice and the formation of one's own worldview, oriented towards existing values and attitudes, but accepted subjectively, individually, freely, or the creation of new ones. A philosophizing subject can be a recognized philosopher, writer, artist, etc. The author analyzes the views on creativity and freedom of such authors as N. Berdyaev, A. Camus, F. Dostoevsky, illustrating by their example the creative nature of philosophizing. At the same time, any person with the ability to think and choose, even a child, can become a subject of philosophical creativity.

Keywords: creativity, creative thinking, creative action, philosophy, philosophizing, freedom, necessity, absurdity, worldview.

References

1. Berdyaev N. A. *Smysl Tvorchestva* [The meaning of Creativity]. M. 1989.
2. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobody* [Philosophy of freedom]. M. 1989.
3. Weber M. *Nauka kak prizvanie i professiya* [Science as a vocation and profession] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. M. Progress. 1990. Pp. 707–735.
4. Dostoevskij F. M. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. M. 1973.
5. Kant I. *Kritika Chistogo Razuma. Soch. T. 3* [Criticism of Pure Reason. Works. Vol. 3]. M. Mysl' (Thought). 1964.
6. Sartre J. P. *Ekzistencializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism] // *Sumerki bogov* – Twilight of the Gods. M. 1989.